

Константин Станюкович

Дождался

«Public Domain»

1901

Станюкович К. М.

Дождлся / К. М. Станюкович — «Public Domain», 1901

© Станюкович К. М., 1901

© Public Domain, 1901

Содержание

I	5
II	7
III	9
IV	11
V	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Константин Михайлович Станюкович

Дождлся

Рассказ ¹

I

Валерий Николаевич Неволин, молодой брюнет небольшого роста, исхудалый, с впалой грудью и с блестящими глазами, – две недели ежедневно приходил на станцию маленького Кларана – встречать курьерский поезд из Лозанны.

Он не сомневался, что сегодня жена приедет.

И в это утро Неволин особенно заботливо приоделся в обновку – пару из белой с синими полосками фланели, повязал белый галстук, надушился, еще раз занялся подстриженной кудрявой бородкой и особенно внимательно разглядывал в зеркале свое смуглое землистое лицо, осунувшееся, с заострившимся носом и мертвенно-бледным лбом.

Возбужденный ожиданием, он чувствовал себя бодрее и сильнее и, радостно взволнованный, вышел из пансиона, предварив горничную БERTУ, что с поездом приедет жена.

Короткое расстояние до станции Валерий Николаевич прошел, не задыхаясь, хотя сентябрьское утро было жаркое.

Только подъем на небольшую лестницу, ведущую на станцию, очень утомил его. Он порывисто дышал, жадно вдыхая воздух, и в груди что-то хрипело.

Неволин передохнул у лестницы, вышел на платформу и присел на скамейку.

До прихода поезда оставалось пять минут.

– Извините... не опоздает? – спросил Неволин глухим, слегка заискивающим голосом проходившего начальника станции, приподнимая белую полотняную шляпу.

Шеф приостановился.

– Доброго утра, господин Неволин... Ни минуты опоздания! – приветливо ответил старый, сухощавый и крепкий швейцарец.

И с ласковой, подбадривающей уверенностью прибавил:

– Надеюсь, сегодня дождется.

– О, разумеется!

– Получили телеграмму?

– Жена не любит телеграмм! – внезапно сочинил Неволин и смутился.

Эти пять минут казались ему бесконечными. Он предвкушал радость встречи и волновался еще более. Ему казалось, что с поездом что-нибудь случилось, и Неволин беспрестанно вынимал часы.

Наконец раздался протяжный свисток.

Неволин сорвался со скамейки и приблизился к краю платформы. Он, видимо, бодрился и старался крепче стоять на ногах.

Еще несколько секунд, и небольшой поезд, окутанный черным дымом, вылетел из туннеля и на всем ходу сразу остановился на станции.

– Три минуты остановки! – прокричал кондуктор.

Неволин жадно взглядывал на окна, на двери вагонов. Вышло несколько пассажиров с ручным багажом. Неволину бросилась в глаза приехавшая прелестная девочка, тоненькая, хрупкая, бледная как смерть, с букетом роз. Она весело улыбалась. И сопровождающие ее мужчина и дама старались улыбнуться девочке-подростку и, казалось, их печальные, серьезные лица просветлели надеждой.

“Привезли умирать!” – подумал Неволин.

И не думавший, что и на него смотрят, как на приговоренного, он не терял еще надежды найти замешкавшуюся жену и стал обходить все вагоны, заглядывая в окна, и видел чужие лица, внезапно становившиеся серьезными при виде взволнованного, растерянного и страшно исхудалого чахоточного.

– En voitures! ²

Поезд помчался дальше.

Неволин проводил его тоскливыми глазами и вдруг почувствовал себя одиноким, сиротливым и несчастным.

И голубое озеро, и савойские горы, и высокое бирюзовое небо с ослепительно-жгучим солнцем, и тополи, и платаны, все, все, казалось, потеряло в глазах Неволлина красоту и прелесть.

Неволин ушел со станции, избегая встретить начальника станции и сторожей. И, опустив голову, еще медленнее пошел домой.

² По вагонам! (франц.)

II

Порыв безнадежного отчаяния скоро прошел.

Он подумал о жене, вспомнил ее письма, и ему стало стыдно за такое малодушие. Снова оживший и воспрянувший духом, он поднял голову и уверенно и вызывающе прошептал:

– Завтра приедет!

Ни в одно мгновение он не упрекнул, даже мысленно, жены за то, что она все откладывает отъезд.

Еще бы!

Не такой же он больной, чтобы Леля бросила срочную работу, оставила серьезно заболевшую мать и полетела бы к нему, точно к умирающему.

Недаром же Неволин в своих частых, длинных и влюбленных письмах постоянно повторял, что здоровье улучшается, и доктор Вернэ, необыкновенно внимательный и добросовестный старик, не сомневается в выздоровлении больного. По словам доктора, коховских палочек³ не найдено. И чахотки нет. Упорный катар легких, из-за него и слабость по временам. Но все пройдет. Следует только хорошо питаться, бояться простуды и держать строгий режим.

Неволин верил, ждал выздоровления с такою же верой, с какой ждал приезда жены, и старался пунктуально исполнять все предписания доктора.

Только, при всем желании, не мог, как предписывал врач, не волноваться, не скучать и не худеть.

И он деликатно умалчивал в письмах, что скучает один до одури и очень волнуется, если от жены долго нет письма.

Уставший, поднялся Валерий Николаевич в первый этаж пансиона.

– Опять возвратились один, дорогой monsieur Nevoline? Что случилось? – с порывистым, горячим и, видимо, притворным участием спросила откуда-то появившаяся в коридоре хозяйка, говорившая на многих языках и на всех довольно скверно.

Это была пожилая, величественного роста дама, надушенная, напудренная, затянутая в корсет, с рыхлым, красноватым лицом, когда-то, казалось, не лишенным несколько грубоватой красоты, всегда приятно улыбающаяся жильцам, всегда предупредительная и не без достоинства поддерживавшая репутацию и своего пансиона и своего образцового административно-хозяйственного умения.

Она, по обыкновению, была в черном шелковом платье, безукоризненно причесанная, с подвитыми прядками рыжеватых волос, с кольцами на толстых, коротких пальцах, с браслетом на руке, с брошкой и с длинной золотой цепочкой от часов, тихо колыхавшейся на внушительном бюсте.

– Ничего не случилось, госпожа Шварц... Жена приедет завтра! – слегка смущаясь, проговорил Неволин.

– Ну и слава богу!.. Вы перестанете скучать...

И, впадая в идилический тон, хозяйка вздохнула и проговорила:

– Ничего нет тяжелее одиночества... Быть в разлуке с любимым другом – это ужасно! Я понимаю... Я сама испытала это, когда Шварц работал в Интерлакене, а я шесть месяцев оставалась здесь... И Шварц тосковал... О, как тосковал!.. Тогда мы оба были молоды...

Хотя Неволин аккуратно платил по счетам, и госпожа Шварц называла его милым и любезным жильцом, тем не менее она с удовольствием спланировала бы “милого жильца”, который,

³ Коховские палочки – старое название туберкулезных бактерий, открытых в 1882 году немецким бактериологом Робертом Кохом (1843-1910).

того и гляди, умрет в пансионе, что произведет тяжелое впечатление на пансионеров, еще не приговоренных, и они могут сбежать.

Да и отдать комнату, из которой только что вынесли ночью покойника, не так-то легко. Приезжие больные с глупыми предрассудками. А комната из лучших: на солнечной стороне и с “видом”. Балкон на озеро и горы.

Начинается сезон, а русский и не догадывается уехать поскорей в Петербург, чтобы увидеть, по крайней мере, жену перед смертью. Эта дама что-то подозрительно не едет. А на редкость простофиля-муж каждый день встречается и не может ее встретить.

Такие соображения пробежали в голове госпожи Шварц, и она еще с большею задушевностью продолжала:

– Завтра вы будете счастливым человеком. Но я боюсь, что вы захотите показать жене Швейцарию или ломбардские озера. Там прелестно. Мой пансион лишится такого покойного и милого жильца... Но, по крайней мере, я рада, что вы здесь поправились и, смею думать, довольны пансионом... Не правда ли?

“Провались ты к черту со своими разговорами!” – подумал Неволин и слегка раздражительным тоном проговорил:

– Еще мы не решили с женой! Может быть, останемся месяц... Здесь хорошо... Я чувствую, что поправляюсь, и мне нравится ваш пансион, госпожа Шварц!

И с этими словами Неволин вошел в свою большую, полутемную от опущенных жалюзи комнату, прохладную и пропитанную острым запахом креозота и йода, с довольно приличной обстановкой для пансиона в восемь франков в сутки.

На небольшом письменном столе – “секретере” – бросались в глаза три изящные рамки с фотографическими портретами молодой женщины с милым красивым лицом, выражение которого напоминало мадонн. Особенно были хороши глаза, большие, спокойно-вдумчивые и ласковые.

Причесана она была по старой моде. Пробор посредине, гладкие начесы, прикрывающие уши, и на темени тяжелые косы, собранные в виде коронки. Видимо, эта прическа шла к молодой женщине. На одном портрете, особенно хорошей работы, она была во весь рост. Фигура маленькая и стройная. Не худа и не полна. Руки узкие, с длинными пальцами. На безымянном пальце обручальное кольцо; на мизинце – несколько колец.

В общем привлекательная женщина.

Большой букет свежих роз красовался в вазе на японском столике около качалки. Тут же бонбоньерка с конфетами из Монтре.

Валерий Николаевич открыл шагреновую шкатулку, в которой аккуратно были сложены перенумерованные письма жены, и взял верхнее, полученное накануне.

Голова слегка кружилась. Во всем исхудалом теле чувствовалась слабость.

III

Неволин прилег на кушетку и, с горевшими из глубоких впадин глазами, снова стал перечитывать четыре маленькие листка, исписанные крупным разгонистым почерком.

Словно бы чувствуя себя в чем-то виноватой, жена снова повторяла, почему не могла раньше приехать. Теперь маме лучше, перевод романа окончен, сдан в редакцию, гонорар получен, и она, не вводя мужа в новые долги, может выехать на следующий день и скоро будет ухаживать за больным. Валерий совсем поправится. Петербургский доктор, отправивший Валерия в Швейцарию, говорит то же, что и кларанский. Разумеется, ничего опасного нет. Надо только беречься и не торопиться на север.

Вслед за этими, казалось, спокойными и ласковыми строками, шли тревожно-нежные, но почерк как будто был более нервный и неровный. И Неволин жадно глотал:

“Я знаю, ты сердишься, мой добрый Валерий, что принуждена была откладывать до сих пор поездку. Мне тяжело, что поневоле обманывала твои ожидания... Подчас это невыносимо... О, как сожалею, что не поехала с тобой. Теперь до скорого свиданья... Непременно завтра поеду, и на курьерском...”

Письмо, по обыкновению, было подписано: “Твоя Леля”.

“Верно, осталась на день в Берлине и пришлет телеграмму, что завтра!”

– И какая она хорошая! – вырвался восторженный шепот.

И, переполненный чувством, благодарный и умиленный, со слезами на глазах, он прильнул горячими и сухими губами к почтовому листу.

“О, как он боготворит ее!” – подумал Неволин и гордился, что так благоговейно и глубоко любит это “золотое сердце”. По-настоящему любит, а не так, как многие его знакомые мужчины.

Он спрятал письмо в карман. В ту же минуту представил себе, что завтра будет здесь, около него, красивая, любимая, молодая женщина, и умиление к “золотому сердцу” исчезло. Вместо него было нетерпеливое, почти озлобленное желание влюбленного, и по праву, властного мужа.

Какая она цветущая, красивая...

А он?

Неволин сравнил себя.

И с каким чувством тоски, ожесточения и безразличности посмотрел он на свои исхудалые, костлявые руки, бессильные и бескровные, с желтыми ногтями, – точно у мертвеца.

Он ошупал грудь – одни выдающиеся ребра. Ноги – тонки, как у ребенка, и только кости.

Как ни хотелось ему уверить себя, что поправляется, и что худоба не так уж ужасна, но он не мог не заметить, что страшно худеет и ослабел в последние две недели.

И все-таки еще не почувствовал и не осознал близости смерти. И не думал о ней.

Он так жадно хотел жить, так любил себя и все блага, которые вместе с большинством считал счастьем и, следовательно, смыслом и целью жизни, что упорно хотел верить и верил доктору, который скоротечную чахотку называл для успокоения больного катаром легких.

И чем беспощаднее и быстрее недуг разрушал еще недавно здоровое, сильное тело, тем упорнее надеялся Неволин сохранить его и пользоваться наслаждениями жизни и тем себялюбивее становился, занятый исключительно только собой и своей женой, которая давала ему счастье. А ко всему на свете стал равнодушен.

Валерий Николаевич раньше, когда был здоров, хотя и не отличался склонностью к вопросам непрактического характера, альтруизмом и civicскими добродетелями, все-таки, помимо забот о своем благополучии, интересовался кое-чем и отвлеченным, читал умные книги, и людские невзгоды были не чужды его сердцу. Родные, близкие и знакомые не казались

безразличными. А теперь, цепляясь за жизнь, человек словно бы обнажился во всей наготе животного эгоизма. Все помыслы венца творения сосредоточивались на упорном самосохранении.

И Неволин строил планы будущего.

Он мечтал, как о чем-то несомненно сбыточном, что быстро поправится, когда около будет обворожительная жена. И он уж не станет волноваться и скучать в одиночестве. Они съездят в Женеву, побывают в горах, прокатятся на пароходе по Женевскому озеру. Конечно, покажет Шильон⁴. Поднимутся по железной дороге в Глион. В октябре поедут в Италию, побывают в Венеции, в Милане, Флоренции, Риме и Неаполе... И всегда вместе... А зимой вернутся в Петербург, в маленькую, уютную квартиру, настоящее гнездо, свитое умелой женской рукой.

Он думал о том, как здоровый, сильный и пополневший, придет в министерство, и директор департамента, обрадованный, что Неволин снова будет литературно писать записки и доклады безразлично о чем, – намекнет, что место начальника отделения скоро очистится, что сам министр знает о даровитом и усердном молодом человеке-чиновнике и приказал выдать ему к Новому году пятьсот рублей в возмещение расходов на излечение болезни... В шесть часов его встретит Леля, ласковая и умная, ровная и сдержанная, умелая хозяйка и очаровательная маленькая женщина, целомудренно-скромно не понимающая чар своих ласк...

Он думал, как взыскан судьбой, что встретил Лелю три года тому назад в Крыму и понял, что нашел ту... настоящую, единственную...

Мечты оборвались. Неволин заснул.

Колокол к обеду разбудил его.

Он нехотя поднялся. Освежил лицо водой, поправил галстук, пригладил бородку и спустился.

Слабый, он старался казаться молодцом на людях, когда вошел в столовую, где все жильцы пансиона уже сели за стол.

⁴ Шильон – замок, расположенный на маленьком островке в восточной части Женевского озера. В одном из его подземелий в течение шести лет был заточен швейцарский национальный герой Ф.Бонивар (1493-1570), историю которого Байрон положил в основу своей поэмы “Шильонский узник”.

IV

В пансионе, кроме Невалина, был только один русский.

Все знали, что Невалин каждый день встречал жену и что сегодня она не приехала.

– Едва ли бедный русский дождется жены и завтра! – успела уже сообщить хозяйка многим жильцам, прибавив не без соболезнования о напрасной трате Невалина на букет в десять франков и на бонбоньерку с конфетами в двадцать.

Все с сочувствием и в то же время не без любопытного сдержанного удивления взглянули на безнадежно больного русского, не имевшего серьезно-убитого вида несчастного мужа, к которому не едет жена. Особенно приветливо ответив на общий поклон Невалина, продолжали прилично-бесшумно есть суп.

На двух-трех лицах типичных южан-французов мелькнули сдержанно-насмешливые улыбки над упорством заблуждения русского относительно женщин. Глупость доверчивого мужа, казалось, возмущала их еще больше, чем неприезд жены, о красоте которой давно всем рассказала госпожа Шварц, не раз любовавшаяся портретами молодой русской дамы на столе Невалина во время его отсутствия.

Дамы, напротив, были исключительно возмущены женой и порицали ее, когда не без удовольствия говорили об ожидании несчастного русского. Оно являлось событием в пансионе, давая интересную и пикантную тему для осторожно-тихих разговоров и предположений в комнатах и на прогулках.

Больной старый пастор-швед еще с большей, казалось, гордостью смотрел за обедом на хорошенькую свою молодую жену с льяными волосами и большими голубыми, словно бы недоумевающими глазами, которая ухаживала за ним с добросовестностью сестры милосердия, благоговейно внимала каждому его слову и нередко при публике целовала его большую белую и волосатую руку, словно бы в доказательство любви, верности и покорности образцовой жены.

Два англичанина, которые не без хладнокровного презрения отнеслись к этой “истории” русских супругов, все-таки воспользовались случаем, чтобы поддержать пари на пятьдесят фунтов.

Приедет ли русская леди до конца недели или не приедет?

Пари должно считаться несостоявшимся, если жена явится только к похоронам джентльмена.

– Прибавлю десять фунтов!.. – процедил старый, плотный заводчик из Бирмингама с румяным, добродушным лицом, обращаясь к соседу, как только что Невалин вошел в столовую.

– All right ⁵! – невозмутимо ответил молодой человек, совсем еще юноша, в смокинге и цветном жилете, с подозрительными красными пятнами на своем красивом, нежном и белом безбородом лице, не поворачивая шеи, которую подпирали высокие и туго накрахмаленные воротники.

– Шансы на моей стороне, милорд!

– Еще пять дней! – упорно прошептал юноша.

– Боюсь только, как бы пари не состоялось.

Красавец-юноша промолвил себе под нос:

– Держу двадцать пять, что состоится. Он пять дней продержится. Молодчина!

– Идет...

Чопорная, строгая, полная англичанка лет под сорок, с ослепительно белыми “лошадиными” зубами выдающейся челюсти, затянутая до того, что грудь, казалось, разорвет ажур-

⁵ Очень хорошо (англ.).

ную ткань лифа, – с взбитыми кудряшками, прикрывающими лоб, и с выхоленными крупными руками, унизанными блестящими кольцами, корректно подавила громкий вздох при виде Неволлина.

– Невоспитанная и неприличная женщина! – безапелляционно чуть слышно промолвила англичанка.

Ее соседка, молоденькая рыжеволосая мисс, с изящно-тонкими красивыми чертами бледного лица, невольно чарующая своей простотой и спокойной независимостью, мягко и совсем тихо сказала:

– Вы несправедливы, тетя. Верно, есть уважительные причины, если леди не едет.

– Не может быть причин, Маб. Англичанки их не знают, когда надо исполнять свой долг, Маб!

– Лучше после обеда поспорим. Не правда ли, тетя?

И рыжеволосая девушка бросила взгляд на русского, чтоб убедиться, не мог ли он догадаться о том, что говорят.

Неволин не расслышал слов и не мог бы их понять. Разумеется, он и не подозревал, что о приезде жены и об его близкой смерти держат пари.

Он сел на конце стола, ближе к выходу, около единственного соотечественника в пансионе, писателя Ракитина, пожилого, видного блондина в хорошо сшитом темно-синем вестоне, ловко сидевшем на его барской, слегка располневшей фигуре, с кудреватými светло-русыми волосами, красиво-небрежно зачесанными назад, и с подстриженной небольшой бородкой, подернутой сединой.

Неволин нередко рассказывал Ракитину о своей болезни, о скором приезде жены, о своих светлых надеждах, но чаще всего должен был лишь подавать реплики, слушая нового своего знакомого.

V

Ракитин любил говорить и любил, чтоб ему благоговейно внимали – и особенно женщины, не старше сорока лет и не оскорбляющие его эстетического, довольно изощренного вкуса – и чтобы не забывали – и еще лучше, если показывали ему – что он умный и талантливый писатель Ракитин и очень интересный еще мужчина, несмотря на его пятьдесят два года, для удобства, впрочем, сокращенные им до сорока восьми, тем более, что молодость его не давала повода к сомнениям.

Все в пансионе Шварц знали, что Ракитин “знаменитый” русский писатель и что приехал в Кларан оканчивать новый роман.

О своем писательстве Ракитин объявил г-же Шварц в день приезда, когда объяснил ей, зачем просит поставить в его комнату письменный стол побольше, и осведомился: нет ли по соседству больных.

Вероятно, ради большей чести для пансиона, хозяйка произвела нового жильца в “знаменитого”, о чем и сказала пансионерам.

Неволин испытывал перед Ракитиным невольное чувство неловкости и даже виноватости за то, что жена, о последнем письме которой он обрадованно сообщил ему, не приехала!

Стараясь скрыть это, он слабо пожал слабыми худыми руками полную, мясистую руку Ракитина и не без тайной зависти взглянул на его красивое, несколько самоуверенное и заносчивое лицо с умными, слегка насмешливыми, лукавыми темными глазами и стал есть суп, преодолевая отвращение к пище. И наконец, словно бы недовольный, что Ракитин молчит, проговорил преувеличенно-спокойным тоном:

- Вас удивляет, что жена не приехала, Василий Андреич?..
- Верно, что-нибудь задержало, Валерий Николаич!
- В Берлине отдыхает. Завтра и приедет.
- Получили телеграмму?
- Еще не получил... Получу.

“И ведь все еще упорно верит!” – подумал Ракитин.

Эта маленькая, красивая женщина с ангельскими глазами, судя по портретам, о которой так часто и восторженно говорил Неволин, возбуждала в Ракитине и любопытство писателя и завязатого любителя интересных женщин.

“Наверное втюрилась. Снова что-нибудь солжет в телеграмме или в письме, и этот до идиотства ослепленный муж опять поверит, будет ждать, волноваться и ходить на вокзал. Свинство, что не едет... Могла бы приехать и скрыть от умирающего, что не любит его. На это женщины виртуозки и умеют искренно пожалеть тех, кого обманывают. Откуда такое бессердечие у этой женщины?” – спрашивал себя Ракитин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.